

Николай Сергеевич Башев

12+

Друг мой - Беркут_5

Николай Башев
Друг мой – Беркут 5

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Башев Н. С.

Друг мой – Беркут 5 / Н. С. Башев — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Пять книг под общим названием «Друг мой Беркут...» расскажут вам о жизни и приключениях дальневосточного мальчишки, мечтающего строить самолёты. Они расскажут о золотом времени советской авиации, о замечательных людях и горьких потерях... Эти книги для тех, кто на месте не сидит, у кого внутри огонь горит и кому всегда 17 лет в душе.

Содержание

Память	6
На дне океана	7
Стерлядка	9
Красавица Кама	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Беспутные ветры степей
Встречали меня у дороги,
Царапал колючий репей
Мои запылённые ноги.
П. Комаров

Память

Прошу, никогда не повторять мой самый глупый поступок в жизни. Это очень опасно. Слушайте и мотайте на ус.

По молодости иногда приходилось добывать себе пропитание охотой и рыбалкой. Уссурийский край богат и зверем и птицей. Да голыми руками богатую добычу не возьмёшь.

Моя стипендия в техникуме была всего 20 рублей в месяц. На хорошие снасти и припасы денег практически не оставалось. Выручали друзья – делились порохом. Картечь, дробь и пули отливал сам на костре. Форму выточил из калёного дореволюционного кирпича, отколотого от стены старой мельницы. Свинец добывал из старых аккумуляторов.

Как-то в конце октября провозился со снаряжением допоздна. Ночью у костра плохо видно. Решил встать пораньше и продолжить работу вместе с солнышком, чтобы успеть до обеда больше картечи и пуль для своего старенького ружья отлить. Так и сделал.

Развёл костёр чуть свет. В банке из-под краски расплавил свинец. Положил на пенёк свой кирпич, провалявшийся на земле всю ночь, и принялся тонкой стружкой заливать жидкий свинец в углубления.

Чтобы лучше видеть, слегка наклонился вперёд. Не знаю, как я успел закрыть глаза. Только вдруг хлестнуло в лицо расплавленным металлом. Дикая боль пронзила меня. Когда очухался от шока, приоткрыл глаза. Целы мои ненаглядные. Ура!

А вот носом дышать не смог. Хорошо, что перед нашей лесной избушкой самодельный умывальник под деревом был прибит, а над ним кусок зеркала на проволоке болтался. Глянул я в него и застонал от отчаяния.

Всё лицо было облеплено свинцовыми кляксами. А из носа торчали две рогульки блестящие. Да, самому тут не справиться. Пришлось будить друзей. И каких только ажурных выражений я не наслушался в свой адрес, пока отрывали с моего лица застывший металл вместе с кожей и жареным мясом. Мне оставалось только волком выть...

Оказалось, что это были всего-навсего цветочки-лютики. Когда попытались выдернуть из носа свинцовые козюли, боль была такая, что я понял всё про себя и случившееся.

На мою беду, расплавленный металл попал на сырую поверхность кирпича, и получилась паровая пушка, выстрелившая мне в лицо. Раньше-то я лил свинец в сухой кирпич, а тут не догадался подсушить мою литейную форму на костре. Не надо было спешить. Сначала надо думать, а потом делать.

Выручили бокорезы из запасного инструмента, который всегда таскал с собой. Лёшка откусывал ими кусочки свинца, забираясь все глубже в мои бедные ноздри. Санитарная поляна оказалась изрядно полита моей кровушкой.

Только через неделю я смог оправиться от такого неожиданного испытания и помчался на охоту, вдогон за безжалостными друзьями, оставившими меня голодать в нашей пустой ближней избушке. Медвежий жир со временем заровнял все следы от ожогов на моём лице. А память осталась.

На дне океана

Всю долгую студёную зиму 198... года наша объединённая бригада инженеров и рабочих высшей квалификации шаг за шагом создавала в сборочном цехе новый невиданный глубоководный аппарат, способный работать на огромных океанских глубинах.

С его помощью военно-морские специалисты надеялись поднять с океанского дна затонувший неопознанный летательный объект, который случайно оказался на пути ракеты, стартовавшей с подводной лодки.

Все попытки моряков самим добраться до "чужака", нашедшего последнее пристанище на колоссальной глубине, закончились неудачей. Пара размытых снимков чего-то непонятного на дне, вот и всё, что удалось получить им.

Почти год моряки вели переговоры с нашими лучшими авиационными специалистами, постоянно что-то не договаривая. Мы так и не поняли, что они знают и что им надо. Возможность подержать в руках хотя бы кусочек "Летучего голландца", как обозвали НЛЮ наши острословы, показалась настолько заманчивой, что мы принялись за работу с диким энтузиазмом. Вечерами допоздна сидели за кульманами над чертежами, с утра разбирались с технологами, после обеда торчали в механических цехах. Работа кипела.

Чтобы на заводе поменьше болтали, договорились писать на чертежах "Изделие "В400". Остряки тут же обозвали нашего китёнка «Венерой» за округлые пухлые формы. Я до сих пор не знаю, почему поручили проектирование этого аппарата нашей авиационной конторе, а не какому-нибудь морскому конструкторскому бюро. Единственное моё объяснение это то, что мы всё делали очень быстро. Новые самолёты, один лучше другого, в те годы прямо пулей вылетали из-под нашего карандаша.

Моряки же привыкли строить свои корабли годами. Времени у нас было в обрез. Заморские «головастики» могли запросто пронюхать про "Голландца" и обскакать нас, как они это делали уже не раз.

В мае начались пробные окунания "Венеры" в заводском накопительном бассейне. Заводские мастера приспособили его за три дня. Не обошлось и без приключений. Долго не могли понять, откуда просачивается вода вовнутрь аппарата. Проверили все узлы, сверяясь с чертежами. Всё о'кей, а течь осталась. Мы даже пытались нюхать эту влагу, намекая, что кому-то лень выбираться наружу и бежать в туалет.

Все понимали, что раз где-то течёт, значит где-то дырка. Вопрос, как её найти, не разбирать же весь аппарат. Оказалось, что рабочие по ошибке в донной части сделали два сливных отверстия, вместо одного по чертежу. Вторую штатную пробку, естественно, не нашли, подумали, что потеряли её и приспособили пробку от обычного водопровода.

Практически сразу стали привлекать к работе и морской экипаж водолазов, чтобы освоили аппарат на все сто. Там внизу, на глубине, некогда разбираться, что и как работает, что и как включается и выключается. Прорабатывались нештатные и аварийные ситуации.

Заодно и мы учились азам водолазного дела, понимая, что кому-то из нас придётся нырнуть вместе с моряками. Им самим не разобраться с этим таинственным летательным аппаратом. Потянешь за какую-нибудь деталь и превратишься ненароком в облачко пара или в какую-нибудь медузу дохлую. Начальство вспомнило про моё увлечение парусным спортом и спокойно записало меня в основной экипаж. Ну а что, не им же нырять в океанскую пучину.

В июле приступили к пробным погружениям на озере Байкал, невзирая на наши просьбы отправить нас на Чёрное море. Там столкнулись с настоящей большой проблемой. Три морских сменных экипажа так и не смогли более или менее прилично освоить управление бортовыми манипуляторами. А на них была вся надежда. Только с их помощью мы могли закрепить на "Летучем голландце" трос и поднять его на поверхность.

Перевели стрелку на меня, раз уж я попал в экипаж, то, давай, учись работать механическими руками. В моих крестьянских руках гранёный стакан лопается, когда мне недоливают компот в обед, а тут нужна микроскопическая точность и нежность при обращении с чужой техникой.

Не зря я свою голову ношу с собой всегда. Вспомнил про симпатичную крановщицу Наденьку из литейного цеха, как она виртуозно из огромного ковша разливает огненный металл по формам, ни капельки мимо не проливая!

Моряки встали на дыбы, чтобы баба на борту корабля! Да ни за что на свете!

Умное всё-таки начальство у нас было. Уж, не знаю, что оно пообещало, но моряки вдруг дружно дали своё согласие на Наденьку.

Говорят, что после похода наши brave подводники две недели провели в нашем загородном заводском пансионате, окружённые небесными нимфами в беленьких передниках и коротеньких юбочках.

Во второй половине августа нас перевезли заводским самолётом на Сахалин, а потом гидросамолётом доставили на место. Несколько дней ушло на пробные погружения на небольшие глубины.

Нырок на четыреста метров нашел слабое место в гидроприводе одного манипулятора. Заказали новую стальную трубку и сами установили её. Снова пара погружений. День отдыха. Потом нырок к цели. "Летучий голландец" под неусыпной охраной ржавой рыболовецкой посуды, болтавшейся всё это время поблизости, ждал нас на дне.

Наденька, наше несравненное солнышко, филигранными движениями приподняла "Голландца" с одного бока, потом с другого, вторым манипулятором завела под него специальную сеть и дала отмашку на подъём.

У поверхности нас встречали наши водолазы, которые ещё под водой накрыли авоську с "Летучим голландцем" маскировочной сеткой. На следующий день обнялись с морячками, нас запихнули в гидросамолёт и отправили по домам, посоветовав быстро всё позабыть.

Ночью мы всё-таки втихаря осмотрели "Летучего" снаружи, хотя часовые и получили строжайший приказ никого к нему не подпускать. Мы все люди русские. Приказано не подпускать, и не подпускали. Приказано не подходить, и не подходили. Просто подползли тихонечко, пока флотские часовые упорно смотрели в другую сторону.

Мы свою работу сделали на «отлично». Больше я никогда в жизни не стану нырять глубже пары метров, зарок дал такой на вечные времена.

Стерлядка

Хорошо на реке Калмынке в начале июля. Исчезла мошка, заедающая народ весь июнь. Теперь по воскресеньям можно купаться-плескаться вволю, рыбку ловить большую и маленькую, холоденьким кваском себя побаловать и отдохнуть сполна после напряжённых работ на аэродроме.

Берём своих ребяташек в охапку, пакетик с едой и питьём, пару донных удочек, свежую наживку и на велосипедах выбираемся за Петропавловскую насосную станцию.

Наш Серёжка с ходу прыгает в воду, я за ним. Догонять его всё труднее, растёт парень, скоро станет бесполезно соревноваться. Освежился я чуток и на берег, надо дочку искупать. Мы пока не разрешаем ей в одиночку в быструю воду влезать – маленькая она ещё, четыре года всего.

Следующая на очереди – моя боевая подруга, мама Ира. С ней у нас заплыв дальний, почти до Астрахани. Шучу-шучу.

Наконец все накупались и растянулись прямо на песке погреть косточки. Разматываю донки, насаживаю червей и делаю самый дальний заброс. Ставлю прутики-сторожки и тоже плюхаюсь на песок. Хорошо! Минут через десять глаза слипаются, и я засыпаю. Но, не надолго.

Трезвонит колокольчик вовсю, значит, попалась рыба на крючок. Ох, как не хочется вставать и дрёму сладкую прогонять.

– Доченька, солнышко, вытяни донку, – прошу я Алёнку.

Тянет леску золотое дитяtko, а вытянуть не может – крупная рыба попалась, упирается, не хочет в котелок закопчённый попадать. Придётся встать и спешить на помощь. Только не успел я.

Развернулась Алёнушка лицом к высокому берегу, леску накинула на плечо и стрелой помчалась наверх. Вылетела рыбина на мокрый песок, тут мы её с Серёжкой и сцапали крепко. Смотрим и глазам не верим – в руках у нас бьётся мечта всех рыбаков.

– Пап, а это какая рыба, как она правильно называется? – дочка тихонько так, почти шёпотом спрашивает.

– Окунь, солнышко моё, окунь, – отвечаю.

– Нет, папа, это осётр. Я знаю! Только осетров нельзя ловить, – пристально смотрит Алёнка на меня, на пойманную рыбу и уверенно так ставит жирную точку в нашем рыбацком споре.

Пришлось объяснить, что мы поймали не осетра, а его двоюродную сестричку стерлядку, что её тоже, вообще-то, нельзя ловить, поэтому пусть у нас это будет окунь, большой окунь, вкусный такой окунь, и пусть у нас будет сегодня настоящая уха из окуня!

– Так хочется душистой ушцы отведать, милая.

– Если вы мне купите эскимо, тогда мы поймали окуня, – говорит умный ребёнок.

И мы все, довольные и счастливые, бросаемся в воду. Лето продолжается!

Красавица Кама

Каждое весеннее утро 1990 года в нашей квартире начиналось с одной и той же тоскливой песни.

– Хотим собаку! Хотим собаку! Собаку! Собаку! Собаку! – голосили сын с дочкой. Они решили завести себе верного друга, а нам с женой – ещё одну заботу.

В душе мы понимали ребяташек. Это было время повального увлечения лохматыми друзьями в нашем небольшом городке. Пришлось озадачить всех своих московских товарищей. И они не подвели.

В середине июня позвонил Александр Максимов.

– Прилетай через неделю, Джина, моя собака, принесла чудесных щенят от Джека, лучшего эрдельтерьера Москвы. Твоим детям получится отличный подарок, – звонким голосом обрадовал меня друг.

На работе быстро оформляю командировку, и отправляюсь в столицу служебным самолетом. Несколько дней уходит на решение разных вопросов и производственных проблем на фирме, но к выходным я уже свободен, как в море альбатрос.

Саша живёт в Подмоскowie, в деревне Салтыковка. Автобус от суетной станции метро Щёлковская увозит меня в зелёный лирический рай со столетними деревенскими рублеными домами с резными наличниками, бушующими кустами цветущих пионов и пением всевозможных птиц.

Меня встречает мама моего товарища и сразу ведёт за дом, где в дощатой загородке ползают пушистые комочки.

Опытные собаководы всегда советуют выбирать самого активного и шустрого щенка, но я выбираю милый клубочек, неспешно перебирающий по земле коротенькими лапками и тянущий мордочку ко мне.

– Ох, мужики-мужики. Самую хорошую девочку всегда выбираете! Ну, что с вами поделаешь. Сейчас я уведу и покормлю Джину, а ты бери свою красавицу и через боковую калитку и соседний двор иди на остановку автобусную, а то Джина порвёт тебя за своё дитё! – смеётся Сашина мама.

Целую в щёчку смутившуюся хозяйку, кладу денежку под камень, прижимаю к груди несмышлёное сокровище и с грустью покидаю тихий уголок. Несколькими автобусами добирюсь в Балашиху к сестре моей, Люсе, обнимаю и хвастаюсь удачным приобретением. Тут же находится и уютная корзинка, и подстилка тёпленькая, и кусочек свежего фарша с геркулесом, и плошечка с водичкой. Умиляясь, смотрим, как пьёт и кушает наша девочка, а потом мгновенно засыпает.

На следующий день еду на аэродром, где под оглушительный рёв непрерывно взлетающих самолётов несколько часов ожидаю свой маленький ЯК-40. Наконец дают добро и нам. Короткий разбег, взлёт и разворот в сторону дома.

Ивовая корзиночка у меня на коленях, спит-посапывает дитяtko, гудят моторы ровно, облака проплывают под нами, подходят по очереди пилоты, осторожно пальчиком проводят по чернявой шерстке, по хвостик и улыбаются.

– Таких безбилетниц я ещё не возил, – шепчет один из них. – Чур! Первый щенок от неё мой.

Сын и дочка прыгали до потолка от радости, когда я поставил перед ними на пол посередине зала корзинку с их долгожданной мечтой.

– Можно погладить? А как назовем? Я первая буду гулять с ней.

– Нет, я!

– Она будет спать со мной!

– Нет, со мной! – шум, визг, писк и крики наполнили нашу квартиру.

Когда стихли первые восторги, я принялся рассказывать, какое сокровище им досталось, что надо щенка беречь, кормить, поить, расчёсывать, выгуливать, полы подтирать иногда за ним.

Самые жаркие споры начались вокруг имени. Предложения сыпались, как горох на пол. Когда народ утомился изобретать, я вспомнил, что много тысяч лет назад в Древнем Египте жила Кама, жена могущественного фараона, самая красивая женщина на Земле.

– Посмотрите, какая красивая наша маленькая девочка! Лучше нет во всем мире! Скоро она вырастет, станет ещё краше. Мы будем любить её и назовем Камой в честь великой и прекрасной египтянки! – завершил я свой рассказ.

Так и вышло, Кама стала самой красивой в нашем городе. Эрдельтерьерам надо регулярно делать стрижку и тримминг, то есть вычёсывание отживших волос, чтобы собаки имели надлежащий вид и не болели. Эту работу поручили мне.

Чтобы не позориться своим парикмахерским мастерством, первую стрижку я решил сделать, когда жена с детьми ушли гулять. После долгих мучений мохнатое кучерявое чудо превратилось в стройную модель, сверкающую лысоватыми боками. Первым с гулянья вернулся сын.

– Новобранец! – рассмеялся Серёжка, увидев стриженую Каму. Бедная собака тут же забилась в тёмный угол и целые сутки не выходила к нам. Обиделась на такое прозвище!

По воскресеньям мы всей семьей выбирались на стадион, где мама Ира играла с подругами в волейбол, Алёнка осваивала шведскую стенку, Серёжка занимался с Камой на дрессировочной площадке с группой таких же ребят, обучающих своих молодых собак, а я подтягивался на перекладине.

В будние дни я выгуливал Каму рано утром, а детвора выгуливала её по вечерам, если мы задерживались на аэродроме. Работа и дача отнимали у нас с женой уйму времени, и все основные заботы о Каме легли на плечи Серёжки и маленькой Алёнушки. Так они и росли вместе, радуя нас вечерами задорными играми в прятки и догонялки.

Со временем я стал замечать, что Кама начала обижать Алёнку, стараясь показать своё превосходство. Она не хотела быть самым слабым звеном в нашей семье, и при каждом удобном случае норовила сбить девчонку с ног или слегка прикусить сзади за щиколотки.

Приходилось успокаивать слёзы ребёнка и подолгу разговаривать с набирающей силу нашей Камой, глядя ей в умные глаза.

– Ну, что ты меня пилишь! Просто я сильнее Алёнки, и пусть она не командует мною, я её не просто так кусаю, а за дело, пусть знает своё место в семье! – такой ответ читал я в собачьем укоризненном взгляде.

Тогда я доставал баночку с витаминами, одно вкусное драже давал Каме, второе – дочке. Они тут же мирились, и убегали играть в прятки, счастливые и довольные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.